

A-41

С.Т.АБСАКОВ

Записки
ружейного охотника
Оренбургской
губернии

+Op82
+Op87

л.2.1942б

96 . 09 ♂
03

Художники
Э. А. ЖАРЁНОВА
В. К. ВАСИЛЬЦОВ

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1987

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

ОХОТА С ЯСТРЕБОМ ЗА ПЕРЕПЕЛКАМИ

«Будите охочи, забавляйтесь, утешайтесь сею доброю потехою, зело потешно, и угодно, и весело, да не одолеют вас кручиньи и печали всякие. Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте не лениво и бесскучно, да не забудут птицы премудрую и красную свою добычу.

О славные мои советники и достоверные и премудрые охотники! Радуйтесь и веселитесь, утешайтесь и наслаждайтесь сердцами своими добрым и веселым сим утешением в предыдущие лета!»

(Древ. росс. Вивлиофика, ч. III, книга «Урядник сокольничья путя».)

Хотя содержание сей статьи положительно объясняется ее названием, но я хочу предварительно сказать несколько слов о ястребах вообще. Все хищные птицы высшего, среднего и даже низшего разряда могут быть разделены на две породы: соколиную и ястребиную. Принадлежащие к первой ловят свою добычу, устремляясь, падая на нее с высоты, для чего им необходимо подняться на известную меру вверх. Принадлежащие же к породе ястребиной, напротив, ловят свою добычу *в угон*, то есть находясь с ней в одинаковом го-

ризонтальном положении, гонятся за ней и, по ревности своего полета, догоняют. У нас речь идет о последних.— Ястреба разделяются, по их величине, на три рода. Самые большие, достигающие величины крупной индейки, называются *гусятниками*, потому что берут, то есть ловят, диких гусей. Такими ястребами, попадающимися довольно редко, можно травить зайцев и даже лисиц. Я имел одного такого ястреба уже двух осеней, которого, как диковинку, привез моему отцу один башкирец. Он рассказывал, что затравил им двух лис, чему очень можно было поверить, судя по силе и жадности птицы. Я прошу позволения у читателей рассказать судьбу этого ястреба: он был чисторябый, то есть светлосерый, и так тяжел, что и сильный человек не мог его долго носить на руке. Башкирцы охотятся с такими ястребами, а чаще с беркутами, всегда верхом и возят их на палке, которая приделывается к седельной луке. По несчастию, этот редкий ястреб жил у нас очень недолго. Мы затравили им только двух беляков, которых сошли по первой октябрьской пороше, и для опыта затравили русского гуся, привыкшего хорошо летать. Вот как было это сделано: стая дворовых гусей повадилась ежедневно ходить пешком на господское гумно, стоявшее на довольно высокой горе; накушавшись досыта и находя неудобным и затруднительным сходить вниз с крутой горы с полными зобами, которые и на ровном месте перетягивают их вперед, гуси обыкновенно слетали с горы и опускались прямо на животный двор. В урочное время я поставил охотника с ястребом за хлебною кладью, у самого того места, где гуси должны были слетать с горы, а сам зашел сзади и погнал гусей, которые, ковыляя и падая, дошли до спуска с горы и поднялись; ястреб бросился, свалился с одним гусем и, к общему нашему удовольствию, сладил с ним без всякого труда. Мы не дали ястреба в обиду другим гусям (без чего они бы забили его крыльями и защипали бы своими носами) и накормили на добыче до отвала. Несмотря на то, что эта славная хищная птица жила у нас только две недели, с ней случилось диковинное приключение: была у нас летняя кухня на острову, в которой давно уже перестали готовить; в эту кухню, на толстой колодке, стоявшей посередине кирпичного пола, сажали на ночь этого большого ястреба. Охотник, которому был он отдан в руки, приходит однажды поутру и видит, что ястреб,

привязанный должником к колодке, стащил ее с места, сидит, распустив крылья, в углу и держит в когтях огромную сову, еще живую. Испугавшись, не испортила ли она ястреба, охотник прибежал сказать об этом мне; мы с отцом пришли немедленно и нашли ястреба в том же положении. С большим трудом вынули из его когтей очень большую, почти белую сову, которая тут же издохла; на ястребе никаких знаков повреждения не оказалось. Если бы не сам видел этот диковинный случай — я бы не вдруг ему поверил; кухня была заперта; кроме трубы, которая оказалась не закрытою, другого отверстия в кухне не было; должно предположить, что сова попала в кухню через трубу для дневки и что она залетела недавно, на самом рассвете, но как поймал ее ястреб, привязанный на двухаршинном должнике, — придумть трудно; во всяком случае жадность, злобность и сила ястреба удивительны. Я даже был уверен, что никакой ястреб не кинется и не возьмет совы, особенно большой, потому что она сама вооружена длинными острыми когтями. Охотники наши думали, что сова сама напала на ястреба, но такое предположение невероятно. Через несколько дней после приключения с совой наступила оттепель, снег совершенно сошел, сделался отличный узерк, и я послал охотника с ястребом верхом поискать в наездку русаков, которые тогда совершенно выцвели, а сам поехал стрелять тетеревов. Охотник, поездив несколько времени по горам и полям и не найдя нигде зайцев, сделал соображение, что они все лежат в лесу; а как на беду он взял с собой ружье, то, подъехав к лесу, привязал на опушке лошадь к дереву, посадил ястреба на толстый сучок, должник привязал к седлу, а сам отправился стрелять в лес зайцев. Очевидно, что все это было сделано крайне глуко, и вот какие вышли последствия: лошадь, вероятно, чего-нибудь испугалась, оторвала повод, стащила ястреба с сучка и ускакала; только к вечеру воротилась она домой. Несчастный ястреб был еще жив, но с вытянутыми и вывихнутыми ногами; через сутки он издох... Так жалостно и совершенно даром погибла эта редкая хищная птица. Я видел потом еще

двух ястребов гусятников; оба были меньше моего и гораздо темнее пером.

Второго рода ястреба (вдвое меньше первых) называются *утятниками*, потому что ими обыкновенно травят уток. Надобно сказать правду,

что охота с большими ястребами, гусятниками и утятниками — охота пустая и малодобычливая, особенно с последними. Для травли ястребами необходимо условие, чтобы птица поднималась близко, иначе они не могут ее догнать; утки же всегда сидят на воде или на берегу воды, в которую сейчас могут броситься, а ястреба никакой плавающей птицы на воде не берут и брать не могут. Итак, травля уток производится по маленьким речкам или ручьям и озеркам, находящимся в высоких берегах, для того, чтобы охотник мог подойти очень близко к утке, не будучи ею примечен, и для того, чтобы лет ее продолжался не над водою; если же ястреб схватит утку и она упадет с ним в воду, то редко можно найти такого жадного ястреба, который не бросил бы своей добычи, ибо все хищные птицы не любят и боятся мочить свои перья, особенно в крыльях, и, вымочивши как-нибудь нечаянно, сейчас распускают их как полузонтик и сидят в укромном месте, пока не высушат совершенно. Очевидно, что травля уток без особенной, удобной местности невозможна. Иногда травят утятниками молодых тетеревов, но для того необходимо, чтобы выводка находилась в чистом поле; травить же в редколесье неудобно, потому что ястреб может убиться об дерево, чего он сам по инстинкту так боится, что, бросившись за тетеревенком и увида перед собой даже редкие деревца, сейчас взмоет кверху или возьмет в сторону. Притом помешавшийся молодой тетерев летит очень проворно, и ястреб догонит его только в таком случае, если он поднимется очень близко. Из всего сказанного можно следуя, что травля уток и тетеревов не может быть добычлива. Совсем другое представляет охота за перепелками с мелкими ястребами третьего разряда, которые и называются *перепелятниками*; об них и об охоте с ними поговорю я подробно.

Я уже сказал, что ястреба-гусятники — большая редкость, так что немногим охотникам удавалось видеть их на воле; утятники попадаются чаще, а перепелятников деревенские жители видят по несколько раз в день или по крайней мере замечают эффект, производимый появлением или присутствием ястреба-тетеревятника, которого часто глазами и не увидишь. Эффект состоит в том, что вся дворовая и около дворов живущая птица закричит всполошенным криком и бросится или прятаться, или преследовать воздушного пирата: куры поднимут кудахтанье, цыплята с жалобным писком побегут скрыться под распущеные крылья матерей-

насадок, воробы зачирикают особенным образом и как безумные попрячутся куда ни попало — и я часто видел, как дерево, задрожав и запутав листьями, будто от внезапного крупного дождя, мгновенно прятало в свои ветви целую стаю воробьев; с тревожным пронзительным криком, а не щебетаньем, начнут черкать ласточки по-соколиному, налетая на какое-нибудь одно место; защекочут сороки, закаркают вороны и потянутся в ту же сторону — одним словом, поднимется общая тревога, и это наверное значит, что пробежал ястреб и спрятался где-нибудь под поветью, в овине, или сел в чащу зеленых ветвей ближайшего дерева. Иногда так и не увидишь ястреба. Он переждет тревогу, весьма ему невыгодную, потому что она предупреждает о нем тех птиц, которые могли бы сделаться его добычей, да, вероятно, надоедает и пугает его весь этот писк, крик, шум и преследованье, — переждет и улетит! Но я всегда любил такие явления общей суматохи, всегда стерег вылет ястреба из его убежища и часто видел, как он, то быстро махая крыльями, то тихо плывя, промелькнет и скроется в кустах уремы или в ближайшем лесу.

Все, что я стану говорить о наружном виде ястребов-перепелятников, об их выкармливание, вынашивание и проч., совершенно прилагается и к двум первым родам. Перепелятники, пером светлосерые, называются чисторябыми; они бывают посветлее и потемнее. Оренбургские охотники приписывают это различие в пере (то есть в цвете ястребиной крыши) влиянию дерев, на которых они вывелись, и потому светлых называют березовиками, а темных — дубовиками. Ястреба коричнево-пестрые называются красно-рябыми, их гнезда находятся на ольхах, а потому их зовут ольшняками. Надобно заметить, что они мельче других ястребиных пород. Хотя странно приписывать цвет перьев птицы тому дереву, на котором она вывелаась, и хотя я всегда плохо этому верил, но я должен сознаться, что несколько опытов, сделанных мною самим, подтверждают мнение охотников. — Самка перепелятника (как у всех хищных птиц) гораздо больше и сильнее чеглика, то есть самца, который для травли не употребляется по своей малосильности и стомчивости. Я пробовал воспитывать и вынашивать перепелятников-чегликов: они в выноске гораздо понятнее и повадливее самок. Я травил ими воробьев и всяких мелких птичек, даже перепелок; но чеглик-

перепелятник так слабосилен, что легкую перепелку не угонит, а с сытой старой едва сладит и нередко выпускает ее из когтей. Поршков перепелиных он ловит хорошо и то не помногу. Поймав штук пять-шесть, он уже и их не догоняет и даже не летит с руки, на которую присядет, если очень устал. Чегликов-утятников употреблял иногда для травли перепелок, но это имеет свои неудобства: для перепелки он слишком силен и, поймав ее, не вдруг опускается на землю. В книге: «Урядник сокольничья пути» царя Алексея Михайловича, которую всякий охотник должен читать с умилением, между прочим сказано: «Добровидна же и копцова добыча и лет. По сих доброутешна и приветлива правленных (то есть выношенных) ястребов и челигов (то есть чегликов; иногда называются они там же *чеглоками*) ястребых ловля; к водам рыщение, ко птицам же доступание». Из сих немногих строк следует заключить: 1) что копцов вынашивали и что ими травили, чего я и другие мне известные охотники никак добиться не могли и признали их к ловле неспособными; 2) что *ястребы челиги*, то есть ястребиные чеглики, употреблялись для охоты точно так же, как и самки; но должно думать, что это были ястреба большие, а не перепелятники. Последнее доказывается словами: «*к водам рыщение*», а равно и тем, что перепелок никогда около Москвы, в достаточном числе для охоты, не бывало, да и быть не могло. Следственно, речь идет о травле уток, вероятно мелких чирков, к чему чеглики-утятники могут быть пригодны.

Ястреба вьют, или кладут, свои гнезда в лесу из мелких прутиков, на толстых деревьях, всегда на одном из главных сучков и близ самого древесного ствола; самки кладут по четыре, а чаще по три яйца; во всякой выводке есть один чеглик. Охотники заранее осматривают леса, особенно те места, где вывалились прежде ястреба, и по разным признакам знают наверное, где именно находится гнездо; но близко к нему до вывода молодых не подходят, потому что самка бросит яйца. Время выемки ястребов из гнезд зависит от охотников: кто из них не скучает уходом за маленькими ястребятами, для корма которых нужно мясо мелко рубить, тот вынимает молодых в пушку; такие ястребята ручнее, и вынашивать их легче; но многие охотники утверждают, что они бывают тупее, то есть не так жадны, резвы и сильны, как ястребята оперившиеся, которых ловить уже приходится силом на длинной лутошке, потому что, когда человек влезет на дерево,— они распрыгаются по сучьям. Хотя я выкармливвал

внешн
твое
из от
зар в

ястребят разных возрастов, но как это случалось в разные годы, то я как-то не замечал разницы в их качествах; но что касается до слетков, то есть до молодых ястребов, слетевших с гнезд, заловивших на воле и пойманных потом в *кутню*¹, то я утвердительно могу сказать, что они гораздо лучше гнездарей, но зато и вынашивать их гораздо труднее. Вынутых ястребят сажают в просторную клетку из прутиков или из сетки, а если они очень малы, то сначала кладут в круглое лукошко, в котором они, как в гнезде, станут сидеть смирно, плотно прижавшись друг к другу; даже кормят их из рук рубленым свежим мясом каких-нибудь птиц: голуби и воробы считаются самою здорововою пищею, которую можно скоро поправить слишком исхудавших ястребов, нателить, говоря по-охотничьи. Впрочем, можно давать баранину, говядину, телятину и зайчатину, если она случится. Когда ястреба подрастут, то дается каждому, чтобы они не дрались между собою, по особому куску мяса, всегда один раз в сутки, и если это мясо будет птичье, то непременно с перьями и костями. Изобильный корм, особенно парным мясом только что убитой птицы,— самое верное средство вырастить хороших ястребов: они будут *родны* (велики), сильны, выведут перья ровно, отчего летают резвее и поспевают ранее к охоте. Я знал таких охотников, у которых ястреба не только получали корм неточно, несвоевременно, но дня по два иногда постились. У таких ястребов всегда бывают на стволах хвостовых перьев пережабины беловатого цвета и самые перья как будто помяты, надломлены и взъерошены; эти знаки называются *заморами*. Если их много — ястреб туп на лету. В клетке надообно сделать нашестки или поставить колодки для почевки и отдельного сиденья ястребят после корма; последнее нужно для того, чтобы они как-нибудь не подрались между собою и не помяли полных пищею зобов, что бывает для них иногда даже смертельно. Зоб просиживает часов в восемь, то есть пища разлагается и спускается из

¹ Кутнею называется длинная клетка из сетки, разгороженная на три отделения или клетки же; в средней сидят живые воробы для приманки, а две боковые имеют спускные дверцы также из сетки, которые поднимаются и настораживаются, как в чепках. Молодой ястреб (слеток), увидев воробьев, бросается к ним через которую-нибудь боковую клетку, тронет сторожок, дверца опустятся — и ястреб пойман. Иногда попадаются и старые ястребы, но очень редко.

зоба в кишки, после чего скидывается ястребами так называемая *погадка*, которая есть не что иное, как перышки, косточки и жилки, все неудобосваримое из проглоченного мяса, свернувшееся в продолговатый, овальный сверточек, извергаемый ежедневно хищными птицами ртом. Когда ястреб *скинул погадку*, можно идти с ним в поле на охоту; до совершения же этой операции даже вольные хищные птицы, как утверждают охотники, ничего не ловят и не едят. Нужно также, чтобы в клетке постоянно стояло корытце с водой, ежедневно переменяемой; в жары ястреба часто пьют и купаются, что способствует их здоровью, чистоте и скорой переборке перьев. Хотя в гнезде и на сучьях выводного дерева нечего им пить и негде купаться, но слетевшие с гнезд и старые ястреба любят и то и другое во время летнего зноя.

Наконец, пришло время, обыкновенно в половине или исходе июля, поднимать и вынашивать ястребов. Вечером, когда довольно смеркнется, охотник осторожно влезает в клетку и бережно берет, вдруг обеими руками, спящего ястреба, который спит, всегда поджав одну ногу со сжатыми в кулак пальцами, а голову завернув под крыло. При поимке неспящего ястреба днем непременно были бы помяты его перья и сам бы он напугался. Охотник вытягивает ему ноги, складывает ровно крылья, выпрямляет хвостовые перья и, оставя на свободе одну голову, спеленывает его в платок, нарочно для того спитый вдвое, с отверстием для головы, плотно обвивает краями платка и завязывает слегка снурком или тесемкой; в таком положении носит он на ладони спеленанного гнездаря по крайней мере часа два, и непременно там, где много толпится народа; потом, развязав сзади пеленку, надевает ему на ноги *нагавки с опутинками*, которые привязываются обыкновенно петлею к *должнику*¹, наглоухо прикрепленному к кожаной рукавице или

¹ Нагавками, или обносцами, называются суконные или кожаные, но подшитые тоненьким суконцем онучки, шириной в большой палец, которыми обертывают просторно, в одну рядь, ноги ястреба; на онучках, то есть нагавках, нашиты *опутинки*, плетеные тесемочки волос в тридцать, длиною четверти в полторы; каждая опутинка нижним концом своим продевается в петельку, пришитую к нагавке, затягивается и держится крепко и свободно на ноге. Должник — тонкий ремень, или, пожалуй, снурок, аршина в полтора длиною, наглоухо пришитый к охотничьей рукавице. Должник устроен довольно затейливым образом: другой конец его прикрепляется к железному прутику, вершка в два с половиной длиною; прутик просовывается весьма свободно в круглое отверстие kostяной дощечки, просверленной на середине (длиною вершка в два, а ши-

перчатке с правой руки, на которой всегда будет сидеть выученный ястреб. В это же время прикрепляют к ястребу бубенчик, в чем хотя нет необходимости, но что на охоте бывает очень полезно. Дутый медный бубенчик, величиною с крупный русский орех или несколько побольше, но круглый, звонкий и легкий, пришипливаются в хвосте, для чего надобно взять ястреба в обе руки, а другому охотнику разобрать бережно хвост на две равные половинки и, отступя на вершок от репицы, проколоть одно из средних хвостовых перьев посередине обыкновенной медной булавкой; на нее надеть за ушко бубенчик, острый конец воткнуть в другое среднее соседнее перо и вогнать булавку до самой головки; она будет так крепко держаться, что точно врастет в перо; иногда ушко бубенчика отломится, а булавка останется навсегда. Прежде охотники привязывали бубенчик к ноге; но этот способ несравненно хуже: бубенчик будет беспрестанно за что-нибудь задевать и как раз сломается; когда же ястреб с перепелкой сядет в траву или в хлеб, то звука никакого не будет; а бубенчик в хвосте, как скоро ястреб начнет щипать птицу, при всяком наклонении головы и тела станет звенеть и дает о себе знать охотнику, в чем и заключается вся цель.

Потом охотник идет в самое темное место, в какой-нибудь сарай или хлев, бережно снимает всю пеленку и старается посадить ястреба на свою правую руку, защищенную от его

риною в палец), и держится в дощечке на широкой шляпке, какая бывает у большого гвоздя; к обоим концам косточки прикреплен своими концами ремешок (в четверть длиною), вытянутый посередине кверху; он составляет острый треугольник, которому основанием служит дощечка; к верхнему острому углу ременного треугольника привязываются простою петлею обе опутинки; стоит дернуть за их концы — петля развязется, и ястреб может лететь.— Само собою разумеется, что охотничьи названия всех уборов хищных птиц могут называться различно в разных местах России и что уборы эти бывают роскошны и бедны. Драгоценная книга царя Алексея Михайловича, глаголемая: «Урядник: новое уложение и устройство чина сокольничья пути», показывает, как великолепно убирали соколов и кречетов: «И мало поноровя, подсокольничий молвит: начальные, время наряду и час красоте. И начальные емлют со стола наряд: первый, Парфентий возьмет клобучок, по бархату червчатому шит серебром с совкою нарядною; второй, Михей, возьмет колокольцы серебряны, позолочены; третий, Леонтий, возьмет обиасцы и должик (должник) тканые с золотом волоченым. И, уготовав весь наряд на руках, подошед к подсокольничему, начальные сокольники наряжают кречета». Очевидно, что колокольцы (бубенчики) всякий раз, когда нужно, привязывались к ногам ловчих птиц.

когтей рукавичкой. Эта минута самая трудная; иногда долго нельзя усадить ястреба, и требуется много ловкости и споровки, чтобы он, бившись и вися на опутинках, не тронул, то есть не вытянул ног, отчего ястреба навсегда остаются слабыми. Иногда гнездарь, смирный и привычный к человеку, наскучивший принужденным положением в пеленке и боящийся в темноте летать (к чему он и не привык в клетке), сразу садится на руку; разумеется, не то бывает с слетком, как сказано будет ниже. Как скоро ястреб усядется на руке, то надобно стоять смирно и оставаться с полчаса в том же темном месте; потом растворить двери, отчего сделается светлее, и ястреб непременно станет слетать с руки; когда же он успокоится, охотник потихоньку выходит на вольный воздух и ходит с своим учеником по местам уединенным и открытым. Перед солнечным восходом сон начнет одолевать ястреба, и он сделается смирнее: тут можно поступать смелее: поглаживать его, поправлять крылья, которые он целые сутки держит в распущенном положении (не подбирает), и потягивать полгононьку за хвост, чтобы он крепче держался когтями за руку охотника и не дремал. Часов в семь утра можно посадить ястреба на колодку в безопасном месте и дать ему отдохнуть часа два, а чтобы он не скоро заснул и не крепко спал, то надобно его раза три вспрыснуть водою: ястреб не заснет до тех пор, пока не проянут перья, которые он беспрестанно будет прочищать и перебирать своим носом. Охотник также может соснуть в это время. После короткого отдыха, которого слеткам никогда в первый день не дают, потому что они гораздо упрямее и крепче, надобно взять ястреба на руку и носить до вечера, выбирая места, где меньше толкается народу: внезапное и быстрое появление нового человека всегда пугает и заставляет слетать с руки молодых ястребов; особенно не любят они, если кто-нибудь подойдет сзади. Вынашивая гнездаря, смирного и привычного к человеку, не нужно его слишком выманивать, а потому можно перед вечером дать ему соснуть еще часика полтора. Во вторую ночь продолжается та же история, как и в первую; на

другой день, если ястреб уже привыкает хорошо сидеть на руке и если он не очень сыт (то есть не жирен), то можно к вечеру предложить ему мясо. Хотя редко, но случается, что на другой день вечером ястреб-гнездарь, который не ел уже пол-

торы сутки, да и в предыдущий день был кормлен очень мало, станет есть, сидя на руке у охотника: в таком случае можно его подкормить, то есть покормить немного, дать третью часть против обыкновенного. На третий день ястреб сделается гораздо смирнее: бессонница и голод отнимут у него ту врожденную энергию дикости, которую еще не совсем истребила клетка. Вечером надобно его начать *вабить* и заставить *перейти* на руку. Это делается следующим образом: ястреба надобно на что-нибудь посадить, не отвязывая должника, потом взять кусок свежего мяса, показать сначала издали и потом поднести ему под нос, и когда он захочет схватить его клювом, то руку отдернуть хотя на четверть аршина и куском мяса (*вабилом*)¹ поматывать, а самому почмокивать и посвистывать (что называется *вабить*, то есть звать, манить). Ястреб сначала будет вытягивать шею то на одну, то на другую сторону и наклоняться, чтоб достать корм, но, видя, что это невозможно, решится перелететь или хотя перескочить с своего места на манящее его вабило в руке охотника; этот маневр надобно повторить до трех раз, и всякий раз вабить дальше, так, чтобы в третий — ястреб перелетел на сажень; тут надо покормить его побольше, потом посадить часа на два в уединенное место и вообще накормленного ястреба носить очень бережно, наблюдая, чтобы он, слетев с руки, не ударился о что-нибудь и не помял зоба. На четвертый день ястреб, начав с сажени, перейдет на руку расстояние в десять и двадцать сажен: в таком случае следует покормить еще побольше, вполсыта. Охотник продолжает на следующие дни прежнюю выноску, и, наконец, в семь или восемь дней птица сделается так смирна и ручна, что охотник, вавивший с каждым днем все дальше и дальше, в положенный час кормления, посадив ястреба на забор или на крышу, сам уйдет из виду вон — и только свистнет особливым позывом, которого звук трудно передать буквами, похожим несколько на слог *пфу*, как ястреб сейчас прилетит и явится на руке охотника. Впрочем, иногда даже и гнездарь, несколько упрямый, не вдруг привыкает сейчас лететь на свист и голос охотника, а сначала начнет оглядываться направо и налево, как будто прислушиваясь, потом начнет кивать головой, вытягивать шею и приседать, что почти всегда делает птица, когда собирается с чего-нибудь слететь; вот, кажется, сию секунду

¹ Обыкновенно для вабила употребляется крыло какой-нибудь птицы (всего лучше голубиное), оторванное с мясом: охотнику ловко держать в руке папоротку крыла, которое не должно быть ощипано.

полетит, совсем уж перевесился вперед... и вдруг опять принимает спокойное положение и даже начинает носом перебирать и чистить свои правильные перышки. Но бывает иногда, что посреди таких занятий, вовсе без приготовлений, ястреб внезапно слетает с места, замахав сначала проворно крыльями, потом, увидев охотника, он быстро опускается и бежит низом, то есть плавно плывет, стелется, как ласточка, над землей... воробы зачиликают и попрячутся, сороки защекочут, куры закудахчат, а ястреб, подбежав вплоть к охотнику, вдруг взмоет кверху и вцепится в вабило, которое охотник успел уже укоротить, так что только маленький кусочек мяса остался наружки.— Срок и строгость выноски зависят от понятливости и покорности ястреба и также от крепости или слабости его сил. Иногда попадается и гнездарь, особенно поднятый поздно, столь упрямый, что и в десять дней не добьешься от него полного повиновения, тогда как другого на шестой день можно притравить, а на седьмой идти с ним в поле. В выноске ястреба нужна строгая точность, неослабное внимание, а главное — некучливость. Например: ястреб упрямится, не идет на руку иногда два часа сряду, тогда как накануне через такое же расстояние перешел скоро и сегодня должен был перейти еще скорее и дальше; скучливому охотнику надоест стоять на одном месте, махать рукой и понапрасну звать ястреба, он сам подойдет поближе и — испортит все дело: на завтрашний день ястреб захочет еще большего сокращения расстояния, и переломить его упрямство еще труднее; он очень памятлив и впоследствии, когда выносится совсем и станетходить на руку отлично хорошо, вдруг вспомнит, что его когда-то побаловали, заупрямится без причины и совершиенно неожиданно. Выноска должна происходить без всякой уступки: не идет на руку — не давать есть, не давать спать; если ястреб худ и слаб, то лучше просто покормить на руке или в садке, но никак не уменьшать расстояния в переходе на руку. Вообще выноска — дело довольно трудное, а ленивому человеку будет не по вкусу. Спать приходится весьма немного. Хорошо, когда есть другой благонадежный охотник, которому можно поручить и доверить ястреба на время, а самому часок-другой уснуть; но надо быть осторожну в выборе помощника; мне нередко случалось видеть, как спит охотник, присев к забору, и спит ястреб, сидя у него на руке, тогда как ястребу не следовало в это время даже и дремать. Можно утврдительно сказать, что едва ли третья часть ястребов

вынашивается хорошо. Единовременный корм самым свежим мясом и сбережение сытой птицы — также дело хлопотливое, и также утвердительно можно сказать, что все ястрема погибают рановременно от неосторожности и недосмотра охотников.

Слетка вынашивать всегда гораздо труднее, а если попадется прошлогодний ястреб и охотник захочет, за неимением других, его непременно выносить, то это требует много времени, хлопот и беспокойств, да и неблагонадежно. Такой ястреб не может ловить отлично хорошо уже потому, что его всегда надо держать в черном теле, следовательно несколько слабым, а из тела (то есть сытый, жирный) он ловить не станет и при первом удобном случае улетит и пропадет.

Слеток вынашивается точно так же, как и гнездарь, только строже, точнее и долее. Обращаю внимание господ охотников на последнее обстоятельство: чем долее вынашивается ястреб до начала травли, тем лучше, тем благонадежнее в будущем. Чтобы выносить скоро, надо усмирить ястрема бессонницей и голодом, выморить его, а это иногда так ослабляет силы всего организма, что после ничем нельзя восстановить его, тогда как продолжительная носка дает возможность выучить ястрема сытого, полного сил, вкоренить в него ученье одной привычкой, которая гораздо вернее насильтвенной покорности от голода и бессонницы; даже в продолжение травли все свободное от охоты время, кроме пятичасового сна, надо носить ястрема на руке постоянно, особенно слетка. Удивительно, какая разница между слетками и гнездарями! Я пробовал кормить последних таким отличным кормом, всегда парным, какого лучше, особенно в таком изобилье, не могла доставать мать своим ястремятам; пойманный слеток далеко не бывал так сыт, как поднимаемый на руку гнездарь, но между тем всегда слеток оказывался как-то гляже, чище пером, складнее, резвее и жаднее гнездаря. У последнего глаза бывают белесовато-мутного цвета, без всякого выражения, а у слетка глаза живые, ярко желтые, *наигранные*, по выражению охотников, то есть зоркие и блестящие. Правда, впоследствии и гнездарь наиграет глаза: они пожелтеют и получат некоторый блеск, но никогда не сравняются с глазами вольного ястрема. — Возвращаюсь к делу. Итак, ястреб, какой бы он ни был, выношен совершенно, то есть ходит на руку отлично, даже без вабила, на один свист; надо его притравить: дать ему

поймать птицу и накормить до отвала на первой пойманной им добыче. Слетка не нужно притравливать, разве для того, чтобы он брал птицу покрупнее, для гнездаря же это самое важное дело; если в клетке он не поважен щипать птицу в перьях, то иногда, будучи же выношен хорошо, не вдруг бросится на живую птицу, даже не посмотрит на нее: такого ястреба с первого разу не притравишь; но если в садке ему давали иногда птиц в перьях и живых воробьев или других птичек, то притравить его легко. Охотники уверяют, что притравливать надобно всегда на крупную птицу и что такой ястреб-перепелятник будет жаднее и станет брать вольных крупных птиц, как-то: уток-чирият, некрупных тетеревят, дупельшнепов, галок, сорок и голубей. Я в этом сомневаюсь, и хотя сам всегда притравливал ястребов голубями и некоторые мои ястреба точно брали поименованных мною птиц, но, кажется, это происходило от врожденной злобности и от крепости в ногах и пальцах, а не от первоначальной притравы, потому что не все, а только редкие бывали так жадны и сильны; притом другие охотники притравливают обыкновенно перепелками, а ястреба выходят отличные и даже иные берут дичь и птицу покрупнее.

Выношенного ястреба, приученного видеть около себя легавую собаку, притравливают следующим образом: охотник выходит с ним на открытые места, всего лучше за окопицу деревни, в поле; другой охотник идет рядом с ним (впрочем, можно обойтись и без товарища): незаметно для ястреба вынимает он из кармана или из *вачика*¹ голубя, предпочтительно молодого, привязанного за ногу тоненьким снурком, другой конец которого привязан к руке охотника: это делается для того, чтобы задержать полет голубя и чтобы, в случае неудачи, он не улетел совсем; голубь вспархивает, как будто нечаянно, из-под самых ног охотника; ястреб, опутинки которого заблаговременно отвязаны от должника, бросается, догоняет птицу, схватывает и падает с добычею на землю; охотник побегает и осторожно помогает ястребу удержать голубя, потому что последний очень силен и гнездарю одному с ним не справиться; нужно придержать голубиные крылья и потом, не вынимая из когтей, отвернуть голубю голову. Тут надобно дать полную свободу ястребу; пусть он возится и управляется с добычей как ему угодно, лишь бы место было гладко; он

¹ Вачик — холщовая или кожаная двойная сумка; в маленькой сумке лежит вабило, без которого никак не должно ходить в поле, а в большую кладут затравленных перепелок.

оциплет сам перья с голубя и, проглотив сначала голову и шею, изорванные в кусочки охотником, наестся до отвала, так что перестанет рвать мясо. Тогда охотник, взяв осторожно ястреба на руку, относит его домой, сажает на колодку и не трогает до утра, чтобы он мог выспаться хорошенько. Если притравление, или притрава совершилась удачно, то повторять ее не нужно; если же, например, ястреб бросился, но не схватил голубя или схватил, но не удержал, то надобно повторить притраву и добиться, чтоб ястреб взял птицу хорошо. В случае притравы успешной на другой день после обеда, когда жар посылит, охотник идет с ястребом в поле в сопровождении собаки, непременно хорошо дрессированной, то есть имеющей крепкую стойку и не гоняющейся за взлетевшую птицею; последнее качество собаки необходимо, особенно для гнездаря, который еще не вловился: если собака кинется на него, когда он схватит перепелку и свалится с ней в траву, то ястреб испугается, бросит свою добычу, и трудно будет поправить первое впечатление.

Итак, охотник выходит в поле, имея в вачике непременно вабило; собака приискивает перепелку, останавливается над ней, охотник подходит как можно ближе, поднимает ястреба на руке как можно выше, кричит пиль, собака кидается к перепелке, она взлетает, ястреб бросается, догоняет, схватывает на воздухе и опускается с ней на землю. Повторяется вчерашняя история, то есть ястреб накармливается досыта. На третий день начинается настоящая травля, но в самом умеренном числе: более осьми и много десяти перепелок травить не следует. Притом и возни с ястребом будет много; в каждую перепелку он так вкогтится, что не вдруг отнимешь, потому что надо это делать бережно, отоптив кругом траву, чтоб не помять перья у ястреба, и вот каким образом: левою рукою должно закрыть пойманную перепелку от глаз ястреба, вместе с его ногами, а правою рукою — отгибать когти, для чего нужно сначала разогнуть приемный передний коготь и потом задний, тогда разогнутся остальные сами собою. Иной ястреб так сердит, что когда разогнут когти на обеих его ногах и отнимут добычу, то он сожмет пальцы в кулечек, так что они замрут и долго иногда остаются в этом судорожном состоянии. Отняв перепелку, охотник, за спину у себя, отрывает ей голову, кладет к себе в вачик, а шейку с головкой показывает ястребу, который и вскакивает с земли на руку охотника,

который, дав ему клюнуть раза два теплого перепелиного мозжечка, остальное прячет в вачик и отдает ястребу после окончания охоты. Охотник дает время ястребу опомниться, оправляет его растопыренные от злости крылья, и, когда он перестанет когтить руку и совсем успокоится, заставляет собаку приискать новую перепелку: где их много, особенно около просяниц, там попадаются они на всяком шагу. Если собака приищет выводку поршков (перепелят), то их травить не надо; во-первых, они подрастут и к осени можно их затравить *в поре*, и во-вторых, такая легкая добыча балует молодого ястреба. Одного первого поршка непременно затравишь, потому что не знаешь, над какой перепелкой стоит собака; но потом надобно ее отзвать от перепелиной выводки и отвесть в сторону: затравленный поршок пойдет на корм ястреба.— С каждым днем увеличивается число затравленных перепелок, и, наконец, травля продолжается от выхода охотника в поле вплоть до ночи. Мне рассказывали, что в старые годы охотники затравливали по сту перепелок, но сам я более пятидесяти не принашивал; впрочем, другие, неутомимые, охотники травили и в мое время до семидесяти штук в одно поле, в числе которых находилось иногда до десяти коростелей, особенно к осени, когда они из болот все выбегают в поля и опушки. Коростеля берет не всякий молодой ястреб, потому что коростель кричит, когда его догоняют; крик его похож на огрызанье хорька или на щекотанье сороки. Если гнездарь не возьмет его с первого раза, то уже не будет брать никогда. Слеток же крику дергуну не боится.

Бывало, в иной вечер охотники с четырьмя ястребами приносили более двухсот перепелок. Это целый ворох. За поздним временем некогда и темно было чистить и щипать птицу, потому всех перепелок раскладывали на большом лубке, заранее приложенном на льду в погребе. Это делалось сколько для того, чтобы невыпотрошенная дичь не испортилась, столько же и для того, чтобы она хорошо охолодела. Теплую, жирную перепелку щипать невозможно, потому что с выдернутыми перышками будет отставать и прорываться кожа, растянутая жиром до необыкновенной тонины. На другой день, рано поутру, в прохладной западной тени погреба начиналась шумная работа: повара потрошили, а все дворовые и горничные девушки и девочки, пополам со смехом, шутка-

ми и бранью щипали перепелок; доставалось тут охотникам, которых в шутку называли «поброяжками» за их многочисленную добычу, без шуток надоедавшую всем, потому что эту пустую работу надобно было производить осторожно и медленно, не прорывая кожи, за чем строго смотрела ключница. Перепелок сушили, коптили, а всего более солили. Сначала употребляли в пищу свежих, в паштетах, соусах и жаренных на сковородке в сметане; но скоро они, по своей приторности, так надоедали, что никто не мог смотреть на них без отвращения.— Число затравленных перепелок зависело не от числа приисканных собакою, а от силы ястреба и, главное, от того, что, поймав перепелку, он иногда слишком злобится, когтит, не дает отнять своей добычи, а время уходит даром: впрочем, у молодого ястреба это добрый знак. Травля тогда бывает вполне успешна, когда ястреб немедленно выпускает из когтей перепелку, как скоро охотник наложит на нее руку. Это последнее делает только ястреб старый, пересидевший зиму в садке; впрочем, и молодой гнездарь к концу осени уже перестает сердиться, или, лучше сказать, упрямиться, и легко уступает свою добычу охотнику.

Живо воображая себе эту охоту теперь, с удовольствием и вместе с удивлением вспоминаю, как я увлекался ею в ребячестве и какие страстные охотники были до нее мои товарищи, люди пожилые и даже старики! В других губерниях, например в Курской, травля перепелок составляет промысел однодворцев; но в Оренбургской губернии, кажется, и до сих пор никто не охотится за ними для выгод денежных. Тогда у нас было три охотника, я четвертый; соревнование кипело горячее: чей ястреб лучше и кто затравит перепелок больше! Бывало, не знаешь, что делать от нетерпения, от ожидания, когда жар посвалит и можно будет ехать в поле. Охотники не позволяют травить в жаркие дни часов до пяти

пополудни, утверждая, что ястреб заленится и заиграет. Это точно иногда бывает. В таком случае, если ястреб как-нибудь улетит совсем и через несколько дней будет пойман, надобно продержать его некоторое время в садке, чтобы он забыл свой побег, и потом вынашивать вновь, хотя не так уже строго. Впрочем, и собаке искать и охотнику ходить, конечно, в жар тяжело; но в дни серенькие или к осени, уже прохладные, как скоро ястреб скинет погадку, можно хоть с утра идти с ним в поле. Травишь, бывало, до ночи и всякий раз ропщешь, что скоро садится солнышко и рано наступают сумерки! По заходжении солнца перепелки сидят уже не так крепко, летят шибче, поднимаются от земли выше и перемещаются дальше; ястреб же утомился, ловит не жадно, и нередко случается, что он не догоняет перепелок легких, то есть не так разжиревших, чекуш, как их называют охотники, потому что они на лету кричат похоже на слоги чек, чек, чек,— не догонят, повернет назад и прямо сядет на руку охотника или на его картуз, если он не подставит руки. Это называется *ястреб ходит на руку с оборотом*.— Нечего делать, надо возвращаться домой; сядешь на охотничью дрожки и едешь шагом, кормя дорогой ястреба и пересчитывающая в уме затравленных перепелок. Замечательно, что этот счет никогда не бывает верен: как ни считаешь аккуратно — всегда ошибаешься хоть одной штукой, а иногда двумя и тремя. Без сомнения, главное удовольствие в охоте доставляет ревность, ловчивость ястреба и доброе чутье и вежливость легавой собаки. Они так смыкаются между собою, что это удивительно: ястреб так умеет различать поиск собаки, что по ее движениям и по маханью хвостом знает, когда она близко добирается до перепелки, особенно понимает стойку собаки: он уже не спускает с нее глаз, блестящих какой-то пронзительной ясности, весь подберется, присядет, наклонится вперед и готов броситься каждое мгновение. Ястреб уже совершенно не боится приближения собаки, не слетает с нашеста или колодки, когда она подходит, и часто под самым ее рылом щиплет пойманную добычу. Если ястреб без бубенчика и свалится с перепелкой в высокую траву или нежатый хлеб, то для скорейшего отыскания его обыкновенно употребляют собаку, и она, найдя ястреба, который притаится и приляжет в траве, сделает стойку и начнет махать хвостом от удовольствия; если же охотник далеко и ее не видит в густом хлебе, то начинает лаять. Если ястреб так смыкается с собакой, то еще более

привыкает к своему хозяину: у другого охотника он долго не будет так ловить и особенно ходить на руку, как у того, кто его выносил и охотился с ним сначала. Когда перепелки жирны, а ястреб резов и силен, то можно не подходить очень близко к найденной перепелке, а велеть собаке спугнать ее: тогда на дальнем расстоянии можно дольше любоваться ревностью ловчей птицы. Иные горячие охотники криком поощряют в это время своего ястреба, как псовые охотники собак: «Эх, милый! ну, ну, ну, подцепи; не промахнись!» и пр. и пр. Про лихого ястреба говорят, что он как пуля догоняет перепелку.

Самая богатая, добычливая травля перепелок бывает во второй половине августа и, смотря по погоде, иногда в начале сентября. Перепелки превратятся в жир, отяжелеют и, пролетев несколько шагов, падают на землю; даже не видя ястреба, поднимаются неохотно, а завида его, лежат так плотно, что мне случалось брать их руками; невежливая и поваженная к тому собака переловит много таких перепелок. С особеною жадностью охотишься, бывало, в начале сентября, потому что каждый день ожидаешь перемены в погоде и начала пропаданья перепелок: никак нельзя сказать, что они отлетают,— они именно пропадают с каждым днем. Это всегда случается при наступлении холодного ненастяя, особенно с северным ветром или морозом. Первое уменьшение гораздо значительнее и заметнее, а потом с каждым днем тра-вишь менее и спустишься штук на шесть, на пять. Тут все охотники обыкновенно бросают травлю; но я продолжал ее упорно; ездил и ходил целые дни по всем любимым местам исчезающих перепелок, как-то: по широким межам, которые в Оренбургской губернии бывают в сажень ширины, поросшим густою травою и мелким кустарником чилизника, бобовника и вишеника, по залежам, начинающим лужать и зарастающим круговинами необыкновенно мягкою и густою шелковистою травкою; также по живилю, зазеленевшему по местам длинными полосами казульки, жабры и череды, а всего лучше около нежатого просянища, брошенного за малостью урожая. Не один десяток верст проедешь и исходишь, бывало, чтобы затравить одну перепелку... наконец, нет ни одной, на другой день то же — надобно посадить ястреба на зимнюю квартиру.

Пороки ястребов бывают следующие: часто случается, что молодой ястреб охватывается и проносится мимо перепелки или даже садится за ней в траву, а перепелка,

особенно легкая, пробежав немного, быстро поднимается и возьмет большой перед; ястреб же оправившись, если и погонится за ней, то уже не догонит; иногда даже схватит, повидимому, перепелку на лету и вместе с ней упадет на землю: охотник побегает и находит, что ястреб держит в когтях траву или какой-нибудь прутик, а перепелки и след простыл. Это показывает или горячность, которую охотники выражают словом *обзарился*, или — слабость в ногах; первое пройдет от опыта, а второе, если не происходит от худобы случайной, бывает неизбежно. Худобу же поправить легко: стоит дня два поменьше травить, побольше кормить парным мясом и побольше давать спать, одним словом — понателить ястреба. Иногда бывает совсем противное: ястреб плохо ловит от лени, от того что жирен; такого, разумеется, следует повыморить: поменьше кормить, побольше носить и не давать много спать. У сильных ястребов, даже у несытых, встречается иногда особенный недостаток: они *носят*, говоря по-охотничьи, то есть, поймав перепелку, не сейчас опускаются на землю, а летят с нею сажен пятьдесят, а иногда сто, и потом опускаются — это очень скучно и утомительно. Для избежания такого невзгодья подлеивают у ястреба воском, в самых корнях, приемные когти, чтоб они сделались короче и чтоб ястреб, опасаясь, что перепелка вырвется, сейчас опускался с нею в траву. Наконец, попадаются ястреба просто глупые, тупые, не резво летающие лентяи и ротозеи; они по большей части слабосильны, и таких надо выпускать на волю. Хорошего ловца можно узнать с первого взгляда: на руке он сидит бодро и весело, перо лежит у него гладко, головка маленькая, спина широкая, стан круглый, посадка стопкой, ноги здоровые и крепкие, но не длинные, емь большая, пальцы твердые, когти острые, умеренно круглые (некрасиво, когда они пологи, еще хуже, если слишком круто загнуты), глаза живые и пронзительные. Верной приметой считается, что ястреб хорош, если у него на хвосте находится семь «черней», то есть семь поперечных темных полос. Все противоположные признаки изобличают ястреба посредственного или плохого.

Травля ястребами-перепелятниками другой дичи, кроме перепелок и коростелей, весьма незначительна, и обыкновенные охотники ею не занимаются, разве представится очень благоприятный случай сам собою. Но я любил эти опыты и пробовал травить жадными перепелятниками тетеревят, которых они берут очень хорошо, если выводка захвачена

в чистом поле и если тетеревята малы, а как скоро зайдут за полтетерева, то таких уже догнать не могут, да и не удержат; дупелей также берут хорошо, если они очень жирны и поднимаются из-под самого рыла собаки; но если чуть подальше, то не догоняют. Я затравил в продолжение моей охоты с ястребами одного жирного осеннеого вальдшнепа совершенно нечаянно, думая, что собака ищет по коростелю в лесной опушке; затравил двух чирков и одного болотного молодого кулика; голубей русских перетравил множество, а также галок и сорок; но только два ястреба из нескольких десятков ловили у меня отлично последних трех птиц. По мнению охотников, их потому берет не всякий ястреб, что голубь очень силен, галка черна, а сорока щекочет и больно дерется клювом и ногами. Первая и последняя — причины справедливые и весьма уважительные: но точно ли не нравится черный цвет ястребу — утверждать не могу. Вся хитрость состоит в том, что ястребу надобно нечаянно, из-за чего-нибудь, близко налететь на этих птиц, в противном случае он их не догонит. Один охотник при мне травил сорок, даже зимой, старым ястребом, но вот каким образом: он выбрасывал кости и всякий сор под самым окошком своей избы, сороки налетали, а он поднимал тихонько оконницу, подносил ястреба, который, взорясь в сорок, бросался и захватывал которую-нибудь почти на месте. Этот охотник в продолжение всей зимы почти ежедневно травил таким образом сорок и кормил ими ястреба, который оставался совершенно здоров, начинал линять очень рано, в начале мая, и совершенно спасался к травле еще в конце июня месяца: очевидно, что мясо сорок хищным птицам здорово. Во время линяния надобно ястреба посадить в садок, хорошо кормить и не трогать. Ястреба могут жить у доброго и попечительного охотника по нескольку лет; год от года становятся они пером светлее, белесоватее и, наконец, делаются как будто седые. У меня не жили ястреба более двух зим и всегда погибали от какого-нибудь недосмотра; один из них улетел во вторую зиму и не воротился: я полагаю, что он как-нибудь погиб, потому что был очень ручен и большой пискун. Надобно заметить, что некоторые гнездари пищат, когда проголодаются, а другие — никогда.

Я помню у одного охотника ястреба шести осеней; это была чудная птица, брал все что ни попало, даже грачей; в разное время поймал более десяти вальдшнепов; один

раз вцепился в серую дикую утку (полукрякву) и долго плавал с ней по пруду, несмотря на то, что утка ныряла и погружала его в воду; наконец, она бросилась в камыш, и ястреб отцепился; уток-чирият ловил при всяком удобном случае; в шестое лето он стал не так резов и умер на седьмую зиму внезапно, от какой-то болезни. Он был так умен, что, идя в поле, охотник не брал его на руку, а только отворял чулан, в котором он сидел,— ястреб вылетал и садился на какую-нибудь крышу; охотник не обращал на него внимания и отправлялся, куда ему надобно; через несколько времени ястреб догонял его и садился ему на голову или на плечо, если хозяин не подставлял руки; иногда случалось, что он долго не являлся к охотнику, но, подходя к знакомым березам, мимо которых надо было проходить (если идти в эту сторону), охотник всегда находил, что ястреб сидит на дереве и дожидается его; один раз прямо с дерева поймал он перепелку, которую собака спугнула нечаянно, потому что тут прежде никогда не бывало перепелок. У этого ястреба можно было взять из когтей птицу совершенно живую и неповрежденную и посадить в садок на зиму, что часто и делали; только охотник накладывал руку на пойманную им перепелку, как ястреб выпускал ее из когтей и отпрыгивал в сторону. Повидимому, в нем уже не было собственной жадности, и он ловил так, по привычке или как бы для удовольствия своего хозяина. Можно себе представить, что с такой умной птицей удовольствие травли нескованно увеличивалось. Вероятно, на следующий год ястреб стал бы ловить еще тупее, но любопытно было бы наблюдать его старость и постепенный упадок сил. Несмотря на то, что охотник его был человек самый простой и грубый, он плакал о своем лихом поседелом ловце и всегда говорил: «Нет, мне уж не нажить такого ястреба».

ПРИЛЕТ ДИЧИ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ПТИЦ В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Предлагаю мои охотничьи заметки о прилете дичи с 1811 по 1826 год включительно, кроме 1812, 1816 и 1821 годов. Первые восемь лет я жил в Бугурусланском уезде, Оренбургской губернии, что ныне Самарская, а последние